

РОМАНЫ
КОННА ИГГУЛЬДЕНА

ИМПЕРАТОР

ВРАТА РИМА
◇
ГИБЕЛЬ ЦАРЕЙ
◇
ПОЛЕ МЕЧЕЙ
◇
БОГИ ВОЙНЫ
◇
КРОВЬ БОГОВ

ЧИНГИСХАН • ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ВОЛК РАВНИН
◇
ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ
◇
КОСТИ ХОЛМОВ
◇
ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА
◇
ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ГРЕЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

ВРАТА АФИН
◇
ЗАЩИТНИК

К О Н Н
И Г Г У Л Ь Д Е Н

КРОВЬ
↔
БОГОВ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
И 26

Conn Iggulden
THE BLOOD OF GODS
Copyright © 2013 by Conn Iggulden
FIG TREE
Copyright © 2014 by Conn Iggulden
All rights reserved

Перевод с английского
Виктора Вебера, Сергея Самуйлова

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-22755-2

© В. А. Вебер, перевод, 2014
© С. Н. Самуйлов, перевод, 2023
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

К Р О В Ь
Б О Г О В

Римский мир, 44 г. до н. э.

ПРОЛОГ

Не всех запятнала кровь. Его недвижимое тело лежало на холодном мраморе, по его гладкой поверхности со скамей стекали красные капли. Уходя, каждый оглянулся хотя бы раз, не в силах поверить, что тирану уже не подняться. Цезарь боролся, но они взяли и числом, и решимостью.

Они не видели его лица. В последние мгновения жизни правитель Рима покрыл голову краем тоги, когда они схватили его и начали наносить раны, окрасившие белизну одежд кровавыми пятнами. Когда он покачнулся и упал на бок, кишки его опорожнились. Теперь по театру расплзалась вонь. Поверженный ими, он лишился всякого достоинства.

В убийстве участвовали больше двадцати человек, некоторые до сих пор тяжело дышали. Вдвое больше людей замерло вокруг: эти не обнажили кинжала, просто наблюдали, не пошевелив и пальцем, чтобы спасти Цезаря. Убийцы же до сих пор были ошеломлены свершенным насилием, ощущая на своей коже еще теплую кровь. Многие из них служили в армии. Многие и прежде видели смерть, но в чужих странах и экзотических городах. Не в Риме, не здесь.

Марк Брут прикоснулся лезвием к обеим ладоням, оставив красные следы. Децим Юний¹ увидел, как он это сделал, и, немного помедлив, с выражением благоговейного трепета на лице тоже окрасил свои ладони свежей кровью. С тем же благоговением остальные последовали их примеру. Брут уверил их, что они не должны испытывать чувства вины. Он сказал им, что они спасли народ от тирана. Вслед за ним они направились к широкой полосе яркого света, вливающегося с улицы.

Марк Брут глубоко вдохнул, подойдя к солнечному лучу, и помедлил на пороге, впитывая в себя тепло. Только он в этот день оделся как солдат: доспехи, глади́й у бедра... Хотя возраст Брута приближался к шестидесяти годам, его голые загорелые ноги оставались сильными и, как прежде, крепко стояли на земле. Глаза его блестели от слез, и он чувствовал, будто годы ушли, отпечаток предательства стерт с него, как стертые и боевые шрамы с его кожи, и теперь он вновь молод.

Он слышал, как мужчины в тогах собираются за его спиной. Подошел старый Гай Кассий Лонгин и легонько коснулся его плеча, чтобы успокоить или поддержать. Марк Брут не обернулся. Он смотрел на солнце.

— Теперь мы можем чтить его, — проговорил он, обращаясь более к самому себе. — Теперь мы можем заваливать память о нем почестями до тех пор, пока они не раздавят ее.

Кассий услышал слова Брута, вздохнул, и от этого вздоха его сообщника покорило.

— Сенат ждет новостей, друг мой, — пробормотал Гай Кассий. — Давай оставим старый мир позади, на этом месте.

Брут посмотрел на него, и худощавый сенатор чуть ли не отпрянул от увиденного в его глазах. Мгновение заты-

---

¹ *Децим Юний* — речь о Дециме Юнии Бруте Альбине. Автор сознательно укорачивает имя, чтобы избежать путаницы.

нулось, а за их спинами не раздавалось ни звука. Несмотря на то что все эти люди только что совершили убийство, каждый из них лишь теперь ощутил страх перед городом, в котором они находились. Их увлек общий порыв, как порыв ветра увлекает листья, сорванные с ветвей, — они просто пошли за более сильными. Теперь реальность вернулась, и сквозь пляшущие на свету золотые пылинки проступил Рим. Брут вышел на освещенную яркими лучами солнца улицу, и все остальные двинулись следом.

На каждом свободном пяточке тысячи ремесленников и крестьян предлагали свой товар: они даже заняли половину мощенной камнем дороги. Волна тишины покатилась от театра Помпея, исчезая позади сенаторов, но сопутствуя им и тогда, когда они повернули к Форуму. Лоточники, слуги и римские граждане замирали при виде нескольких десятков человек в белых тогах, следовавших за мужчиной в доспехах, правая рука которого то и дело тянулась к рукояти меча.

Рим и раньше видел процессии, тысячи процессий, но на лицах тех, кто поднимался сейчас на Капитолийский холм, не было радости. Шепотом и толчками в бок зеваки указывали на красные полосы на их руках, на все еще алые брызги крови на их тогах. Люди в страхе качали головой и пятились, словно эта процессия таила в себе опасность или болезнь.

Марк Брут поднимался по склону, шагая на восток. Его охватило странное предвкушение: впервые он что-то испытывал после того, как вонзил железо в грудь своего лучшего друга и ощутил дрожь, свидетельствующую о том, что острое пронзило сердце. Ему не терпелось увидеть Форум и здание сената — каменный центр огромной республики. Ему пришлось собрать волю в кулак, чтобы не ускорить шага, — размеренность придавала идущим больше достоинства и одновременно служила им защитой. Они не убе-

гали от того, что свершили. Они могли остаться в живых, лишь не выказывая ни вины, ни страха. Он собирался взойти на Форум освободителем.

На вершине Капитолийского холма Брут застыл как вкопанный. Он видел перед собой открытое пространство Форума, окруженное храмами. Здание сената сверкало безупречной белизной, а стражники у дверей с такого расстояния казались крошечными фигурками. Солнце палило нещадно, и Марк Брут чувствовал, как под богато украшенным панцирем по телу течет пот. Сенаторы за его спиной медленно поднимались на холм, не понимая, почему он остановился. Процессия раздалась в стороны, но это утро словно лишило их власти, и ни один из них, включая Кассия и Светония, не решился двинуться дальше, опережая своего предводителя.

— Мы — Освободители! — внезапно воскликнул Брут. — Многие здесь поприветствуют наше деяние. И еще сотни облегченно выдохнут, узнав, что тиран мертв и Рим спасен. Сенат проголосует за амнистию, и все закончится. Решение об этом принято. А пока держитесь с достоинством, помните о чести. В том, что мы сделали, нет ничего постыдного.

Люди вокруг него начали расправлять плечи, многие подняли окровавленные ладони, прежде сжатые в кулаки и спрятанные в складках тоги.

Брут вновь посмотрел на Кассия, и на этот раз его взгляд смягчился.

— Я сыграл свою роль, сенатор. Остальное должен сделать ты. Веди с собой маленьких людей и шагай с достоинством, иначе за нами начнется охота.

Гай Кассий кивнул и сухо улыбнулся:

— Голоса у меня есть, генерал. Все обговорено. Мы войдем свободно и выйдем с почестями.

Брут всмотрелся в сенатора, от которого зависело их будущее. Сухощавый и крепкий, Кассий ни в чем и никогда не давал слабину.

— Тогда веди нас, сенатор. Я пойду следом.

Кассий сжал губы, словно заподозрив угрозу, но вскинул голову и большими шагами направился к сердцу Рима.

Подходя к зданию сената, Марк Брут и Гай Кассий видели, что высокие бронзовые ворота распахнуты. Они слышали громкие голоса, гул жаркого спора. Чей-то голос перекрыл остальные. Шум сменился тишиной.

По телу Брута пробежала дрожь, когда его нога коснулась первой ступеньки. До полудня оставалось несколько часов — несколько часов, которым предстояло стать одними из самых важных в его жизни. Кровь Цезаря краснела на их руках. Неверное слово, торопливое движение, и вышло бы иначе: их кровь пролилась бы еще до заката. Он вновь взглянул на Кассия. Уверенность сенатора ободряла его. Тот, казалось, не сомневался ни в чем. К этому дню он шел долгим и трудным путем.

Два легионера вытянулись в струнку, когда Брут и Кассий поднимались по ступеням. Но солдаты не знали, что им делать, и застыли в нерешительности, когда сенатор поднял обгавленную руку, чтобы они увидели кровь, прежде чем он укажет на своего спутника.

— Генерал Брут — мой гость. — Произнося эти слова, пожилой сенатор уже думал о том, что ждет их за порогом.

— Он должен оставить гладий здесь, — ответил солдат.

Марк Брут взглянул на него так, что страж потянулся к рукояти собственного меча, но тут Кассий рассмеялся:

— Отдай его, Брут. Не серди человека.

Хмурясь, его друг отцепил ножны, вместо того чтобы обнажать меч и пугать солдата. Он отдал оружие и после-

довал за Кассием, внезапно разозлившись, хотя и не мог точно сказать, в чем причина этой злости. Юлия Цезаря никогда не останавливали у этой двери. А теперь, именно в момент триумфа, ему указали его место. В стенах сената Брут был всего лишь одним из офицеров Рима, пожилым человеком без гражданского статуса. Что ж, это предстояло исправить. Теперь, когда Цезарь мертв, появилась возможность исправить все, что пошло не так в его жизни.

Больше четырехсот человек собрались в это утро в сенате, и их тела так нагрели воздух, что внутри, несмотря на распахнутые двери, было заметно теплее, чем снаружи. Долгие годы простояв рядом с Юлием, Брут знал большинство из них, но одно новое лицо привлекло его внимание. Бибул. Много лет назад этот человек служил вместе с Цезарем консулом, но что-то произошло между ними, и Бибул больше никогда не появлялся в сенате. Его внезапное возвращение красноречиво говорило о смене власти... и о том, насколько многие уже были осведомлены. Брут видел, что за годы, проведенные в изгнании, бывший соратник Юлия ужасно постарел. Он стал еще толще, под глазами у него появились темные, раздутые мешки, на щеках — сеть мелких лопнувших сосудов. Раздражение на щеках и подбородке говорило о том, что он побрился впервые за несколько месяцев. Глаза Бибула ярко сверкали, и Марк Брут засомневался — не выпил ли тот, празднуя смерть своего врага?

Не похоже было, что новости Кассия повергнут собравшихся в шок. Выражение лиц слишком многих сенаторов, а также то, как они переглядывались и обменивались кивками, однозначно указывали, что им известно о смерти Цезаря. Брут презирал их всех, ненавидел за изнеженность и самодовольство. Он побывал в Египте, Испании, Галлии, он сражался за Республику, убивал за нее, пока они сидели здесь и говорили дни напролет, ничего не зная о жизни людей, которые проливали за них свою кровь.

Гай Кассий направился к ростре. Когда-то она была изготовлена из носовой части боевого карфагенского корабля и символизировала мощь Рима, но потом сгорела во время пожара, как и практически все остальное в этом здании. Теперь ее заменила копия меньших размеров. Брут перевел взгляд на мужчину, который стоял за рострой, и замер. Ему внезапно стало ясно, что с того момента, как он вошел в зал заседаний, его пристально разглядывали.

Последний год консульства Марка Антония еще не закончился. До утренних событий он был лишь марионеткой Цезаря, но теперь все изменилось. С возвращением Республики бразды правления переходили в руки консула. В этом человеке чувствовался лидер, и Брут не мог не признать, что Антоний — высокий, мускулистый мужчина с чертами лица и прямым носом коренного римлянина — обладал всем необходимым. Никто из Освободителей, готовя убийство, не знал, как он отреагирует на случившееся. Один из заговорщиков, Гай Требоний, получил задание отвлечь консула. Марк Брут увидел молодого сенатора сидящим неподалеку. Выглядел он столь довольным собой, что у генерала свело живот.

Марк Антоний смотрел на него поверх голов сидящих сенаторов, и Брут чувствовал: тот в курсе всего случившегося и потрясен. Консулу сообщили, или он услышал новость, когда об убийстве начали шептаться все вокруг. Цезарь убит. Тиран мертв. Они все знают, внезапно понял Брут. И однако никто еще не объявил об этом во весь голос.

Кассий Лонгин встал у ростры. Марк Антоний возвышался над ним на целую голову. Кассий вскинул правую руку, коснулся дерева, как талисмана, и заговорил в наступившей тишине:

— В этот день, в мартовские иды, Рим освобожден от угнетателя. Пусть весть об этом разнесется по всему свету. Цезарь мертв, и Республика восстановлена. Пусть возра-

дуются духи наших отцов. Пусть возрадуется город. Цезарь мертв, и Рим свободен!

Эти слова вызвали громкие крики. Сенаторы с побавевшими от напряжения лицами радостно орали и так топали ногами, что дрожали стены. Марк Антоний стоял, склонив голову, на шее у него вздулись жилы.

Внезапно Брут подумал о египетской правительнице, Клеопатре, находящейся теперь в красивом римском доме, где ее поселил Цезарь. Наверняка царица еще не знала о том, что случилось с отцом ее сына. Он представил себе, какую панику вызовет у нее эта весть. Не сомневался генерал и в том, что она тут же соберет драгоценности и покинет Рим со скоростью, на которую только способны хорошие лошади. Мысль эта впервые за все утро вызвала у него улыбку. В ближайшие месяцы предстояло возродить заново столь многое. Цезарь был подобен огромной глыбе, подавлявшей все и вся в этом городе. Теперь они распрямятся, станут сильнее и лучше, чем были прежде. Брут это чувствовал. Его время наконец-то пришло.

Сенат почти забыл о своей прежней роли. Марк Брут видел, как эти людишки вновь осознавали находящуюся в их руках власть. Еще вчера они были слугами, а этим утром, под победные крики, вновь стали свободными людьми. Исключительно благодаря ему. Брут склонил голову, занятый своими мыслями, но, услышав голос Антония, вновь поднял взгляд. Предчувствие беды вернулось.

— Сенаторы, успокойтесь! — возвысил голос Марк Антоний. — Теперь, когда мы знаем о случившемся, нам уже сегодня надо сделать очень многое.

Брут нахмурился. Этот человек всегда поддерживал Цезаря. Для него все закончено. Ему бы сейчас с достоинством покинуть зал заседаний сената и спасти свою жизнь.

— На Марсовом поле легионы ждут, что Цезарь поведет их на Парфию, — продолжил Антоний, не замечая раз-

дражения Брута. — Их необходимо успокоить до того, как они узнают новости. Они верны Цезарю. Их надо гладить по шерстке, иначе не избежать мятежа. Только авторитет сената стоит между всеми нами и анархией в этом городе. Сенаторы, успокойтесь! — Последние слова прозвучали приказом, громко и резко, и шум в зале заседаний наконец стих.

Брут, стоявший у двери, с сомнением покачал головой. Марк Антоний, конечно, не дурак, но сейчас он зарвался. Возможно, думает, что сможет стать частью новой эры, хотя долгие годы выслуживался перед Цезарем. Все это чистой воды политика, но Брут понимал: многие сенаторы еще пребывают в растерянности и не знают, как вести себя в изменившемся мире. У консула даже есть шанс спастись, но для этого ему следует свершать каждый шаг с максимальной осторожностью. Прошлые обиды никуда не делись, на Антония многие затаили зло. Тем не менее этим утром он еще оставался консулом.

— Необходимо провести голосование до того, как кто-то из нас выйдет из этих стен, — продолжил Марк Антоний, и его сильный голос заполнил зал заседаний. — Объявив амнистию убийцам Цезаря, мы подавим мятеж еще до того, как он начнется. Граждане и легионы увидят, что мы восстановили справедливость и закон, которые попрали один человек. Я объявляю голосование.

Брут застыл, ему вновь стало не по себе. Кассий стоял у ростры, приоткрыв рот. Это ему следовало объявить голосование по амнистии. Об этом был уговор, и Освободители знали, что их оправдают. Брут едва не взвыл от злости, когда с этим важным шагом их опередил любимчик Цезаря. Слова рвались из груди. Цезарь оставлял Рим на Антония, когда уходил в поход на врага, Антоний был его ручным консулом, маской, позволяющей скрывать тиранию. Какое право имел этот человек говорить так, будто

именно он вернул им Республику? Генерал уже шагнул вперед, но голос Марка Антония остановил его.

— Я прошу только об одном: в смерти не лишайте Цезаря достоинства. Он был гордостью Рима. Легионы и народ ждут, что его заслуги оценят по достоинству. Неужели люди, которые низвергли его, откажут ему в этом? Не должно быть ни тени позора, никаких тайных похорон. Давайте отнесемся к божественному Юлию с уважением. Теперь, когда он ушел из этого мира. Теперь, когда он покинул Рим.

В раздражении Гай Кассий поднялся на возвышение, но, хотя теперь он и стоял рядом с Марком Антонием, консул выглядел куда выше и мощнее его. Прежде чем Кассий заговорил, Антоний наклонился к нему и прошептал:

— Ты победил, Кассий. Сейчас не время для сведения мелочных счетов. Легионы ждут похорон на Форуме.

Кассий какое-то время обдумывал его слова. Наконец он кивнул. Брут стоял на прежнем месте, и его правая рука сжала воздух там, где недавно была рукоять гладия.

— Я благодарю консула Марка Антония за четкое и ясное изложение своей позиции, — начал Кассий. — И я с ним согласен. Порядок прежде всего, он важнее закона, важнее мира. Давайте проголосуем, а потом выйдем к людям и успокоим их. Почтим Цезаря в его смерти.

Сенаторы смотрели на Гая Кассия, а Марк Брут энергично кивнул: ему понравилось, как его сообщник взял инициативу на себя. О начале голосования или дебатов должны были объявлять специально предназначенные для этого люди, но, когда они поднялись со своих мест и направились к ростре, Кассий заговорил вновь, игнорируя их присутствие. В это утро он не хотел долгих обсуждений, не хотел, чтобы кто-то еще выступал до того, как они закончат с самым важным. Напряжение, сковывавшее Брута, стало ослабевать.

— Те, кто за полную амнистию Освободителям Рима, встаньте, чтобы вас пересчитали, — призвал Кассий.

Генерал увидел, как толстяк Бибул, лицо которого блестело от пота, вскочил с энергией молодого человека. Мгновением позже его примеру последовали остальные. Те, кто, как Марк Антоний, уже и так были на ногах, подняли правую руку. После короткой паузы Кассий с облегченным видом кивнул. Его тоже постепенно покидало напряжение.

— Кто против? — задал он следующий вопрос.

Сенаторы сели, все разом, как один человек, и никто не поднялся вновь. Почему-то Бруту больно было это видеть. Половина из присутствующих прекрасно знала, что жизнью и богатством они обязаны Юлию Цезарю. Их семьи дружили между собой, вместе они шли к вершине. Он тщательно выбирал их — людей, которым доверял, которых хотел видеть рядом с собой. И теперь они не решились постоять за него даже в смерти. Брут был разочарован, хотя прекрасно все понимал. Они хотели жить и полностью отдавали себе отчет, куда дует ветер. Тем не менее Цезарь заслуживал лучшего в свой последний день в этом мире.

Брут вновь покачал головой и почувствовал, как трескается на руках корка запекшейся крови. Недалеко от здания сената на Форуме был фонтан, и ему захотелось вымыть руки. Пока Кассий поздравлял сенат с принятым решением, Брут выскользнул в солнечный свет, взял у солдат меч, медленно спустился по ступеням и направился к фонтану.

Там уже собралась толпа: мужчины и женщины в ярких одеждах. Брут чувствовал на себе их взгляды, но не поднимал глаз. Он знал, что новость успела распространиться по городу. Его сообщники и не пытались скрыть произошедшее.

Он потерял руки, опустив их в ледяную воду, которая поступала по акведуку с далеких гор по сужающимся свин-

СОДЕРЖАНИЕ

КРОВЬ БОГОВ. Роман	
<i>Перевод В. Вебера</i>	5
ФИГОВОЕ ДЕРЕВО. Рассказ	
<i>Перевод С. Самуйлова</i>	445

Иггульден К.

И 26 Кровь богов : роман, рассказ / Конн Иггульден ; пер. с англ. В. Вебера, С. Самуйлова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 480 с. — (The Big Book. Исторический роман).
ISBN 978-5-389-22755-2

Гай Юлий Цезарь убит. Рим охвачен скорбью. Убийцы, нарекшие себя Освободителями Рима, амнистированы, но не спокойны за свою судьбу — слишком громко отозвалось свершенное ими. Сенат на их стороне, однако не все готовы предать память великого героя Рима. Многолетний соратник Цезаря, возвысившийся под его покровительством Марк Антоний, и приемный сын Цезаря Гай Октавиан заключили союз и не останутся ни перед чем — предателей должно постигнуть возмездие. В особенности Марка Брута — друга детства, сподвижника и организатора вероломного заговора против Божественного Юлия...

Прошли годы, и все эти события, описанные в романе Конна Иггульдена «Кровь богов», стали давней историей. Рассказ Иггульдена «Фиговое дерево» посвящен последним дням правления приемного сына Цезаря — Октавиана, которому суждено было, под именем Цезаря Августа, похоронить Республику и первому принять титул императора Рима.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КОНН ИГГУЛЬДЕН
КРОВЬ БОГОВ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валентина Гончар, Людмила Дубовая
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.04.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 29,4.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

V-BBH-31729-01-R